

На правах рукописи

Колосович Марина Сергеевна

**ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГЛАСНОСТИ
И ТАЙНЫ В УГОЛОВНОМ
СУДОПРОИЗВОДСТВЕ:
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ**

Специальность 12.00.09 – уголовный процесс

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Волгоград – 2019

Работа выполнена в федеральном государственном казенном образовательном учреждении высшего образования «Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Научный консультант:	Луговик Виктор Федорович доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации
Официальные оппоненты:	Азаров Владимир Александрович доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики ФГБОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского» Николюк Вячеслав Владимирович доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник отдела проблем уголовного судопроизводства ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» Поляков Михаил Петрович доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса ФГКОУ ВО «Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации»
Ведущая организация:	ФГКОУ ВО «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Защита состоится 22 января 2020 г. в 10.00 часов на заседании диссертационного совета Д 203.003.01 на базе федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации» по адресу: 400089, г. Волгоград, ул. Историческая, 130, зал заседаний ученого совета.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на официальном сайте федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Волгоградская академия МВД России» – ва.мвд.рф.

Автореферат разослан «__» _____ 2019 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат юридических наук, доцент

Н. Н. Шведова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования. Изменение в конце XX в. в Российской Федерации общественных отношений и политической идеологии повлекло за собой признание международных правовых актов частью отечественной правовой системы. Это позволило правам личности приобрести ранее не свойственное им качество приоритетности, сделавшее неизбежной трансформацию концептуальных подходов к российскому уголовному судопроизводству.

Принятие Конституции Российской Федерации и ратификация в 1998 г. Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод (ЕКПЧ) стали свидетельствами приверженности нашей страны признанным мировым сообществом правам и свободам человека и гражданина, в число которых вошли право каждого на открытое судебное разбирательство (ст. 123 Конституции Российской Федерации), а также право каждого на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст. 23 Конституции Российской Федерации). Вместе с тем стала очевидна неспособность принятого в 1960 г. Уголовно-процессуального кодекса РСФСР нивелировать проявившуюся к концу 1990-х гг. неудовлетворенность ученых, правоприменителя и общественности нормативной разрешенностью процедурных вопросов уголовного судопроизводства и механизмами обеспечения прав и законных интересов его участников. Базовой установкой последовавшей реформы стало приведение российского законодательства в соответствие с положениями Конституции Российской Федерации и международными стандартами и усиление прав участников уголовно-процессуальных отношений. В результате в 2001 г. принимается Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ), с появлением которого впервые в России механизмы обеспечения прав личности приобрели более основательное процессуальное закрепление. Названные изменения получили свое отражение и в положениях, регламентирующих гласность судебного разбирательства.

К сожалению, нормы УПК РФ, посвященные гласности (ст. 241), сформулированы не вполне корректно и не отражают всего содер-

жания рассматриваемого правового явления. Так, принцип гласности, признаваемый мировым сообществом фундаментальным, был «разжалован» в общее условие судебного разбирательства, а по факту существующая гласность предварительного расследования не получила процессуального признания.

Ранее не отделяемые научным сообществом Российской империи и советской России от гласности участие в уголовном судопроизводстве представителей общественности и информирование средствами массовой информации, доведившими до гражданского общества данные о ходе и результатах предварительного расследования и судебного разбирательства не получили регламентации в УПК РФ. Ничтожно малой стала практика проведения выездных судебных заседаний. Снижение уровня общественного контроля за деятельностью государственных правоохранительных и судебных органов в уголовном судопроизводстве совпало с сокращением объема предоставленных прокурору полномочий по отношению к органам предварительного следствия. В этих условиях представляется закономерным стабильно высокое количество поступающих в адрес Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации обращений по вопросам защиты прав граждан в уголовно-процессуальной сфере, из которых 39 % связаны с обоснованностью и справедливостью приговоров и иных судебных решений, а 37 % – с объективностью, полнотой, длительностью сроков предварительного расследования и доследственных проверок. Вызывает беспокойство значительное количество жалоб, поступивших в суд в порядке ст. 125 УПК РФ, на неправомерность действий должностных лиц, осуществляющих уголовное производство. Усугубляет ситуацию тот факт, что указанная стабильность проявляется на фоне резкого снижения количества регистрируемых в стране преступлений.

Кроме того, внушительна доля поступивших в Европейский Суд по правам человека (ЕСПЧ) жалоб на нарушение Российской Федерацией провозглашенных ЕКПЧ прав и свобод человека. За 20 лет нахождения под юрисдикцией ЕСПЧ Россия заняла второе место по количеству поданных жалоб. При этом каждая третья из них связана с нарушением права на справедливое судебное разбирательство, к основным средствам реализации которого ч. 1 ст. 6 ЕКПЧ отнесла его публичность, а каждая тринадцатая – с нарушением права на уважение частной и семейной жизни (ст. 8 ЕКПЧ).

Приведенные данные свидетельствуют о том, что контролирующие и надзирающие за предварительным расследованием и судебным разбирательством уполномоченные законом государственные органы с поставленной задачей не справляются и не готовы занять освобожденную представителями общественности нишу. В связи с этим актуализируются вопросы совершенствования процессуальных средств обеспечения гласности, создающих такой правовой режим уголовного судопроизводства, который способствует реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина. Данная позиция получила поддержку в работах ученых, высказавшихся за открытость как предварительного расследования, так и судебного разбирательства, предоставление населению полной и достоверной информации об уголовном деле (например, А. И. Александров, А. С. Ургалкин). Другими исследователями (например, В. М. Бозровым, В. Ф. Луговиком, О. А. Сегал, И. В. Смольковой) справедливо указывается на способность недозированной гласности нанести непоправимый ущерб конституционным правам и свободам человека и гражданина, интересам общества и государства, эффективности расследования.

Несмотря на многовековое (начиная с середины XV в. и заканчивая серединой XIX в.) существование в России негласного и практически никому не поднадзорного уголовного судопроизводства и годы жестоких репрессий в середине XX в., ни у кого не вызывает сомнений необходимость сохранения и развития правового института тайны. Исторически обеспечение тайны в уголовном судопроизводстве связывается с его негласностью, воспринимаемой в разные периоды развития нашей страны как средство ее сохранения (например, И. П. Николаев, И. В. Смолькова, А. И. Тамбовцев, И. Я. Фойницкий, М. А. Чельцов, А. С. Ургалкин).

В последние десятилетия негласные методы расследования, поощряемые Организацией Объединенных Наций и ЕСПЧ, укрепили свои позиции, получив процессуальное закрепление одновременно с принципом гласности практически во всех странах мира. Развитие института тайны было обусловлено потребностью государств в появлении новых средств противодействия активно развивающемуся криминалу и росту преступности. Основой процессуальной регламентации негласной деятельности по уголовному делу стало наполнение уголовно-процессуального законодательства не-

которых стран Евразии нормами, предоставившими уполномоченному лицу право на производство действий, по своей природе и порядку производства схожих с оперативно-розыскными мероприятиями. Отмеченная учеными и самим правоприменителем высокая эффективность негласной деятельности и стабильность роста значимости ее результатов в формировании доказательственной базы по уголовному делу позволяют сделать вывод о том, что в скором будущем тайна сможет наравне с гласностью претендовать на закрепление в системе принципов уголовного судопроизводства.

Возвращаясь к реалиям отечественной правоприменительной практики, отмечаем недостаточную эффективность деятельности уполномоченных государственных правоохранительных органов по противодействию преступности. Стабильно низкие показатели раскрываемости преступлений (в 2014 г. не раскрыто – 47,6 %, в 2015 и 2016 гг. – 47,2 %, в 2017 г. – 46,7 %, в 2018 г. – 44,2 %) по мнению ученых (например, В. А. Азарова, Ю. В. Деришева, В. Ф. Луговика, В. В. Николюка, Н. Е. Орумбаева, А. Л. Осипенко, М. П. Полякова) обусловлены ростом организованности, информированности, вооруженности и технической оснащенности современной российской преступности, а также процессами сращивания организованной преступности с киберпреступностью.

В условиях появления новых вызовов времени ученые (например, В. А. Азаров, Ю. П. Гармаев, В. Ф. Луговик, В. В. Николюк, А. Л. Осипенко, Н. В. Павличенко, М. П. Поляков) отмечают неспособность противодействовать преступности без использования иных, более современных технологий получения информации о преступлении, а также необходимость совершенствования средств и методов производства как оперативно-розыскной деятельности, так и предварительного расследования. Между тем анализ уголовно-процессуального законодательства некоторых зарубежных стран позволил ученым (например, Б. Я. Гаврилову, С. В. Зуеву, В. Ф. Луговичу, Н. В. Павличенко, А. И. Тамбовцеву, В. И. Третьякову) указать на наличие негласной деятельности и в УПК РФ (наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка – ст. 185 УПК РФ, контроль и запись переговоров – ст. 186 УПК РФ, получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами – ст. 186.1 УПК РФ, тайна предварительного расследования – ст. 161 УПК РФ). Более того, по мнению

других авторов (например, А. С. Александрова, Э. Ф. Лугинец, А. А. Сумина, О. В. Химичевой), положительно воспринявших увеличение значения негласности в уголовном судопроизводстве некоторых зарубежных стран, отечественное уголовно-процессуальное законодательство нуждается в коренном изменении, в том числе посредством введения института негласных следственных действий.

Разделяя позицию ученых о наличии в УПК РФ норм, регламентирующих производство негласных следственных действий, вынуждены указать на отсутствие разумной открытости процедур их производства (в отличие от производства других следственных действий) не только для объектов рассматриваемой деятельности и других участников процесса, но и для следователя (дознавателя), их инициировавшего, которому неизвестны должностные лица (оперативных и оперативно-технических подразделений, учреждений), фактически осуществляющие познавательную деятельность при производстве негласных следственных действий; на неопределенность процессуального статуса указанных должностных лиц; небезупречность механизмов обеспечения прав и законных интересов их участников.

Мировые тенденции роста значимости института тайны в уголовном судопроизводстве побуждают обратиться к истокам рассматриваемых правовых явлений, исследовать их сущность и средства обеспечения, выявить особенности и дефекты нормативной регламентации в разные периоды развития нашей страны, а также природу их диалектического противоречия, проанализировать существующие научные точки зрения и практику применения законоположений. Полученные результаты позволят смоделировать будущее правовых институтов гласности и тайны в уголовном судопроизводстве, гласной и негласной деятельности по уголовному делу, а также сформулировать концептуальные основы процессуальных средств обеспечения рассматриваемых правовых явлений.

Сказанное подтверждает актуальность выбора темы диссертационного исследования.

Степень разработанности темы диссертационного исследования. Исследование проблем реализации гласности и ее ограничений началось зарубежными учеными еще в середине XVIII в. в условиях господства в России и Европе канцелярской тайны и розыскной формы процесса. Обличая несостоятельность «тайного су-

допроизводства», Ш. Л. Монтескье указал на публичность судебного разбирательства и исполнения наказания как на способ установления истины по делу, противодействия нарушениям и превентивного воздействия на население. Со временем научные воззрения на гласность судебного разбирательства и правомерность ее ограничения стали предметом обсуждения в работах таких ученых, как Ч. Беккария, И. Кант, И. Бентам и Г. В. Ф. Гегель, которые после опубликования в России в середине XIX в. были развиты и внедрены в теорию российского уголовно-процессуального права С. И. Викторским, Г. А. Джаншиевым, А. Ф. Кони, А. А. Мирлесом, А. Носом, М. А. Оксом, С. В. Познышевым, Н. Н. Полянским, В. К. Случевским, Д. Г. Тальбергом, Н. А. Терновским, Г. С. Фельдштейном, И. Я. Фойницким, А. П. Чернышев-Дмитриевым и др.

После Октябрьской революции 1917 г. смена политического строя страны обусловила изменение подходов к советскому уголовному судопроизводству, где гласность стала рассматриваться не только как неотъемлемый элемент правосудия, но и как средство пропаганды коммунистической идеологии. На ранних этапах развития советской науки уголовного процесса вопросы реализации гласности и ее ограничений получили свое отражение в работах А. Я. Вышинского, Н. В. Крыленко, М. С. Строговича, Г. И. Чангулии, М. А. Чельцова и др. Во второй половине XX в. гласности уголовного судопроизводства и ее ограничениям были посвящены кандидатские диссертации таких ученых, как И. И. Мартинович «Принцип гласности в советском уголовном процессе» (1954), А. А. Шушанашвили «Гласность судебного разбирательства уголовных дел как демократическая основа советского правосудия» (1964), Б. Р. Бицадзе «Актуальные проблемы реализации принципа гласности на предварительном следствии и в суде» (1991), Н. В. Мацинина «Гласность: понятие и процесс» (1991) и Т. М. Телега «Обеспечение гласности в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования» (1991).

Понятие, содержание, пределы и средства обеспечения гласности и тайны, а также история появления и развития в уголовном судопроизводстве России указанных правовых явлений были рассмотрены в докторских диссертациях З. В. Макаровой «Гласность уголовного процесса: концепция и проблемы развития» (1996), И. В. Смольковой «Проблемы охраняемой законом тайны в уголовном процессе» (1998) и М. В. Немытиной «Суд в России, вторая

половина XIX – начало XX вв.» (1999). Со времени защиты перечисленных докторских диссертаций прошло более 20 лет. За данный период появились новые теоретические представления о сущности и средствах обеспечения гласности и тайны в уголовном судопроизводстве, был принят УПК РФ, а также накоплен опыт соответствующей правоприменительной практики.

Проблемы реализации отдельных аспектов принципа гласности уголовного судопроизводства и его ограничений были рассмотрены в трудах В. П. Божьева, К. Ф. Гуценко, Т. Н. Добровольской, Ю. А. Карпухина, П. А. Lupинской, И. Л. Петрухина, М. С. Строговича, Р. Х. Якупова и др.

Принятый в 2001 г. УПК РФ внес значительные изменения в существующие на протяжении 80 лет подходы советского государства к гласности и тайне в уголовном судопроизводстве, обусловив рассмотрение названных вопросов как неразрывно связанных, парных элементов уголовного судопроизводства, что нашло свое отражение в кандидатских и докторских диссертациях А. Е. Маслова «Следственная тайна как средство преодоления противодействия расследованию» (2001), П. В. Седельникова «Доступ участников уголовного процесса к материалам досудебного производства» (2006), А. Н. Володиной «Гласность уголовного судопроизводства: правовая природа, содержание и проблемы реализации» (2009), И. В. Кутазовой «Механизм уголовно-процессуального обеспечения недопустимости разглашения данных уголовного судопроизводства» (2011), О. А. Сегал «Проблемы реализации гласности в уголовном процессе Российской Федерации», С. С. Безрукова «Принципы уголовного процесса» (2016), А. П. Петришина «Конституционно-правовые основы гласности правосудия в России» (2017) и Е. И. Свежинцева «Теоретические и прикладные проблемы реализации конституционного права на доступ к информации в досудебном производстве по уголовным делам» (2019).

Отдельные вопросы открытости уголовного судопроизводства и ее ограничений были исследованы В. М. Бозровым, Е. А. Долей, Е. А. Зайцевой, К. Б. Калиновским, В. М. Лебедевым, А. В. Смирновым, и др. При этом Б. Р. Бицадзе, А. Н. Володина, З. В. Макарова, Е. И. Свежинцев, О. А. Сегал, И. В. Смолькова и Т. М. Телега рассматривают гласность в качестве принципа всего уголовного судопроизводства.

Оказались весьма полезными и разработки ученых, посвятивших свои научные труды отдельным вопросам транспарентности как принципа правового регулирования государственного управления, транспарентности в гражданском и арбитражном процессе, транспарентности правосудия, судебной власти (Е. Б. Абросимова, Д. И. Гунин, Е. В. Ковалева, К. К. Магамедова, А. В. Смирнов, И. Н. Спицин, Э. В. Талапина, Е. Н. Тованчова), впервые аргументировавших наличие транспарентности в уголовном судопроизводстве (А. А. Тарасов), указавших на основополагающую идею транспарентности как на сущностную черту, способную, дозрев до правового оформления, пополнить собой систему принципов уголовного процесса (М. Т. Аширбекова), и на взаимодействие принципов гласности и транспарентности в режиме информирования общественности и участников уголовного судопроизводства (С. С. Безруков, Е. И. Свежинцев).

Кроме того, современные правоведы (И. А. Бирюкова, З. Д. Еникеева, К. Б. Калиновский, А. П. Кругликов, А. В. Смирнов) вернулись к ранее предложенной (С. И. Викторским, Я. И. Гурляндом, А. Ф. Кони, А. А. Мирлесом, С. В. Познышевым, Н. Н. Полянским, Д. Г. Тальбергом, И. Я. Фойницким, а позже Н. В. Крыленко, И. Д. Перловым, М. С. Строговичем (ранние труды) и М. А. Чельцовым) классификации гласности на общую гласность и гласность для участников уголовного судопроизводства.

В последние годы на существование за рубежом и в России процессуальной регламентации негласной деятельности по уголовному делу в своих работах обращали внимание В. А. Азаров, А. С. Александров, Д. И. Бедняков, Б. Б. Булатов, С. В. Зуев, С. Г. Коновалов, В. Ф. Луговик, В. В. Николюк, Н. В. Павличенко, М. П. Поляков, В. А. Семенцов, А. А. Сумин, А. И. Тамбовцев, В. И. Третьяков, О. В. Химичева, А. Ю. Шумилов и др.

Высоко оценивая значение трудов указанных ученых в теории разработки вопросов обеспечения гласности и тайны в уголовном судопроизводстве, отметим, что потребность в дальнейшем исследовании названных аспектов остается весьма актуальной в связи с небезупречным реформированием и практикой применения уголовно-процессуального законодательства.

Объектом диссертационного исследования являются общественные отношения, возникающие в уголовном судопроизводстве,

в рамках которого реализуются процессуальные средства обеспечения его гласности и тайны.

Предметом диссертационного исследования являются:

– закономерности объективной действительности, оказывающие влияние на становление и развитие правовых институтов гласности и тайны в уголовном судопроизводстве;

– закономерности развития негласной деятельности по уголовному делу в современном уголовном судопроизводстве;

– интеграция выявленных закономерностей в базовые положения концептуальной модели Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части введения специальных розыскных мероприятий)».

Целью диссертационного исследования является решение научной проблемы совершенствования процессуальных средств обеспечения гласности и тайны в уголовном судопроизводстве путем разработки теоретических положений, позволивших усовершенствовать правовое регулирование негласной деятельности по уголовному делу, создать предпосылки для оптимального функционирования рассматриваемых правовых явлений, эффективной деятельности уполномоченных государственных правоохранительных и судебных органов по уголовному делу и обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Достижение указанной цели исследования определило постановку и решение комплекса взаимосвязанных **задач**, основными среди которых стали следующие:

– провести сравнительно-правовой анализ правовых актов России периода X–XXI вв., некоторых стран Евразии, норм и принципов международного права, закрепляющих правовые институты гласности и тайны уголовного судопроизводства и средства их обеспечения;

– разработать исходные теоретические положения, раскрывающие понятие, содержание и значение гласности и тайны в уголовном судопроизводстве и средств их обеспечения;

– с позиций общей теории права раскрыть понятие, содержание, виды гласности в уголовном судопроизводстве и средства ее обеспечения;

– сформулировать понятие транспарентности уголовного судопроизводства, раскрыть содержание, виды и средства ее обеспечения;

– обосновать необходимость закрепления в УПК РФ гласности и транспарентности в качестве принципов уголовного судопроизводства;

– выявить недостатки, присущие нормативному закреплению средств обеспечения гласности, транспарентности и тайны в уголовном судопроизводстве, а также в правоприменительной практике, внести предложения по улучшению их процессуальной обеспеченности;

– проанализировать процессуальное регулирование и практику применения в некоторых зарубежных странах Евразии негласной деятельности по уголовному делу;

– раскрыть понятие, содержание и виды негласной деятельности по уголовному делу;

– сформулировать понятие негласных следственных действий, определить их место в системе следственных действий;

– обосновать необходимость интеграции норм оперативно-розыскного законодательства в УПК РФ в качестве самостоятельного правового института;

– разработать концептуальную модель Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части введения специальных розыскных мероприятий)».

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что дано авторское определение гласности уголовного судопроизводства, рассматриваемой диссертантом в качестве принципа, обосновано разделение гласности на общую гласность и гласность для участников уголовного судопроизводства. Раскрыты понятие, содержание, процессуальная регламентация гласности для участников уголовного судопроизводства и средства ее обеспечения.

Аргументирован вывод о том, что транспарентность является самостоятельным свойством уголовно-процессуальной формы, который позволил сформулировать определение транспарентности уголовного судопроизводства, раскрыть ее содержание, значение и виды.

Выявлены общемировые тенденции развития уголовно-процессуальной формы предварительного расследования, обусловленные увеличением значимости тайны в уголовном судопроизводстве и закреплением в УПК такого правового режима негласной деятельности по уголовному делу, который без глобального искажения принципа гласности уголовного судопроизводства обеспечивает реализацию конституционных прав и свобод человека и граждани-

на. Впервые на монографическом уровне сформулировано определение процессуальной негласной деятельности следователя (дознателя) по уголовному делу и негласных следственных действий, предложена их классификация.

В представленной работе сформулированы и обоснованы новые теоретические положения, позволяющие усовершенствовать правовое регулирование негласной деятельности по уголовному делу, унифицировать нормативные предписания уголовно-процессуального и оперативно-розыскного законодательства в единый институт негласной деятельности по уголовному делу и разработать концептуальную модель Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части введения специальных розыскных мероприятий)».

Новизна результатов диссертационного исследования отражена в следующих положениях, выносимых на защиту:

1. Гласность уголовного судопроизводства следует рассматривать как регламентированную уголовно-процессуальным законодательством **доступность** каждому лицу хода и результатов уголовного судопроизводства, а также их обсуждения, **способствующую** правомерности и качеству деятельности должностных лиц государственных правоохранительных и судебных органов по уголовному делу, реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина, правовому просвещению и воспитанию гражданского общества, усилению превентивного воздействия уголовного процесса. Согласно авторскому определению содержание гласности уголовного судопроизводства составляют следующие основные элементы:

– доступность каждому лицу и представителям средств массовой информации открытого судебного разбирательства;

– доступность каждому лицу информации о ходе и результатах уголовного судопроизводства, предоставляемой должностными лицами государственных правоохранительных и судебных органов, другими его участниками и средствами массовой информации;

– право каждого лица обсуждать данные о ходе и результатах уголовного судопроизводства, полученные посредством личного присутствия в судебном разбирательстве, оглашенные участниками уголовного судопроизводства и/или опубликованные в средствах массовой информации.

2. На основе историко-правового анализа появления и развития гласности в уголовно-процессуальном законодательстве, а также в теоретических положениях трудов отечественных ученых и ученых Европы XVIII–XXI вв. делается вывод о том, что гласность в зависимости от адресата доступности хода и результатов уголовного судопроизводства можно разделить на общую гласность (доступность каждому лицу) и гласность для его участников (доступность только лицам, участвующим в деле, в пределах, зависящих от их процессуального статуса). Пределы доступности хода и результатов уголовного судопроизводства варьируется в зависимости от стадии уголовного судопроизводства и ее отдельных этапов.

Сделанные выводы позволили выделить три группы закрепленных в УПК РФ прав участников уголовного судопроизводства, способствующих доступности им его хода и результатов:

1) право на непосредственное присутствие при производстве следственных действий (производимых по их ходатайству и с разрешения следователя (дознателя)), в судебных заседаниях и при оглашении приговора;

2) право на получение уведомления, извещения, объявления о принятых по уголовному делу решениях в той части, в какой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их права и законные интересы;

3) право на получение копий процессуальных решений, подлежащих обязательному предоставлению должностным лицом государственного правоохранительного и судебного органа, в производстве которого находится уголовное дело, на ознакомление с материалами уголовного дела, в том числе с обвинительным актом и постановлением, протоколом судебного заседания, приговором и особым мнением судьи.

3. Сформулирован вывод о том, что закрепление в УПК РФ положений о гласности и тайне является свидетельством дуалистического характера уголовного судопроизводства, с одной стороны, регламентирующих доступность данных о ходе и результатах уголовного судопроизводства его участникам и общественности, а с другой – ограничивающих ее в связи с необходимостью обеспечения государственной и иной охраняемой законом тайны, а также иных конституционно значимых ценностей.

Совмещение полярных категорий корреспондирует к закону диалектики – единства и борьбы противоположностей, в соответствии с которым противоречие двух правовых явлений создает особый правовой режим деятельности государственных правоохранительных и судебных органов по уголовному делу, способствуя обеспечению прав и свобод участников уголовного судопроизводства разумным ограничением пределов как гласности, так и охраняемой законом тайны.

4. Пределы гласности в уголовном судопроизводстве зависят от нормативно установленных границ доступности общественности и его участникам данных о ходе и результатах уголовного судопроизводства, определяемых посредством ограничений, закрепленных законом. Гласность уголовного судопроизводства может быть ограничена лишь в целях обеспечения государственной и иной охраняемой законом тайны, а также иных конституционно значимых ценностей. Степень доступности участникам уголовного судопроизводства данных о его ходе и результатах зависит от процессуального статуса участника процесса, стадии уголовного судопроизводства и ее отдельных этапов. Поддержано мнение ученых, рассматривающих гласность в качестве принципа уголовного судопроизводства. На основании сделанного вывода предложено закрепление в УПК РФ ст. 7.1, нормативно выразившей рассматриваемое правовое явление.

5. Исследование вопросов законодательной регламентации, содержания и значения транспарентности в разных отраслях права позволило сделать вывод о том, что несмотря на необъективированность идеи транспарентности в самостоятельном принципе уголовно-процессуального права, она получила свое отражение в некоторых положениях УПК РФ.

Транспарентность уголовного судопроизводства рассматривается в качестве свойства функционирования государственных правоохранительных и судебных органов и их должностных лиц, наделенных полномочиями в уголовном судопроизводстве, выражающегося в своевременном предоставлении общественности и участникам названной деятельности достоверной, полной и понятно изложенной информации о них посредством ее опубликования (размещения) в средствах массовой информации, информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и/или других общедоступных местах, позволяющего

контролировать эту деятельность, формировать адекватное представление о ее эффективности и легитимности.

6. В зависимости от адресата предоставления информации обоснована дифференциация транспарентности на транспарентность для неограниченного круга лиц и транспарентность для участников уголовного судопроизводства, дано определение указанных видов транспарентности, выявлены нормы уголовно-процессуального законодательства, регламентирующие доступность неограниченному кругу лиц и участникам уголовного судопроизводства информации, подлежащей обязательному предоставлению, раскрыты средства обеспечения транспарентности в уголовном судопроизводстве.

7. Исследование соотношения понятий гласности и транспарентности позволило сделать вывод о схожести рассматриваемых правовых явлений, характеризующих степень информированности общественности и участников уголовного судопроизводства в первом случае – **о ходе и результатах** уголовного судопроизводства, а во втором – **о функционировании** государственных правоохранительных и судебных органов и их должностных лиц, наделенных полномочиями в уголовном судопроизводстве. Аргументировано заключение о том, что в уголовно-процессуальной сфере транспарентность направлена на реализацию принципа гласности.

8. Сравнительный анализ уголовно-процессуального законодательства некоторых стран Евразии (Грузии, Кыргызской Республики, Китайской Народной Республики, Латвийской Республики, Республики Армения, Республики Казахстан, Республики Молдова, Украины, Федеративной Республики Германия и Эстонской Республики) позволил доказать вывод о росте значения негласности в уголовном судопроизводстве и закреплении в УПК некоторых зарубежных стран двуединой системы процессуального инструментария должностного лица, уполномоченного осуществлять расследование: 1) гласные следственные действия; 2) негласные действия: а) негласные следственные действия; б) оперативно-розыскные мероприятия. Основой процессуальной регламентации негласной деятельности по уголовному делу стало частичное наполнение УПК указанных стран нормами оперативно-розыскного законодательства.

9. Анализ уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики указанных выше стран Евразии позволил сделать вывод об интенсивном развитии в последние годы в

уголовно-процессуальном праве института тайны, обусловленного потребностью в появлении новых средств противодействия активно развивающемуся криминалу и росту преступности. Насыщенность норм уголовно-процессуального законодательства дополнительными механизмами обеспечения прав участников негласных следственных действий определила вывод о возможности процессуальной регламентации негласной деятельности по уголовному делу без глобального искажения принципа гласности уголовного судопроизводства и с обеспечением конституционных прав и свобод человека и гражданина.

10. Анализ отечественного уголовно-процессуального законодательства позволил выявить нормы, регламентирующие негласную деятельность по уголовному делу, представляющую собой двуединый процесс, состоящий из негласной деятельности следователя (дознавателя) и негласной деятельности органа дознания, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность по поручению следователя (дознавателя) или в целях обнаружения лица, совершившего преступление.

11. Под негласной деятельностью следователя (дознавателя) понимаются регламентированные УПК РФ действия следователя (дознавателя), производство которых сопряжено с сохранением в тайне от сторон и других участников предварительного расследования данных об их подготовке, о получении в суде разрешения на их производство, а в некоторых случаях самого факта их производства и лицах, их производящих, а также связанных с применением негласных методов и средств, присущих оперативно-розыскной деятельности.

12. В зависимости от наделения следователя (дознавателя) правом или обязанностью сохранения в тайне факта производства процессуальных действий, характера примененных при этом тактических приемов, методов и средств, а также необходимости привлечения сотрудников оперативных и оперативно-технических подразделений действия следователя (дознавателя) негласного характера дифференцированы:

1) на негласные следственные действия: наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка (ст. 185 УПК РФ); контроль и запись переговоров (ст. 186 УПК РФ); получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 186.1 УПК РФ);

2) относительно негласные действия следователя (дознателя): запрет на предание гласности данных предварительного расследования (ст. 161 УПК РФ); сохранение в тайне факта задержания подозреваемого (ч. 4 ст. 96 УПК РФ); наложение ареста на имущество (ст. 115 УПК РФ); обыск (ст. 182 УПК РФ); выемка (ст. 183 УПК РФ);

3) деятельность следователя (дознателя), осуществляемую на основе конфиденциальности – применение мер по обеспечению безопасности участников уголовного судопроизводства (ч. 9 ст. 166, ч. 2 ст. 186, ч. 9 ст. 193 УПК РФ).

13. Незнание должностных лиц (оперативных и оперативно-технических подразделений, учреждений), фактически осуществляющих познавательную деятельность при производстве негласных следственных действий, не только участникам предварительного расследования, но и следователю (дознателю), неопределенность процессуального статуса указанных должностных лиц, отсутствие должной процессуальной регламентации их полномочий, а также дефицит контрольных полномочий следователя (дознателя) за производством рассматриваемых негласных действий и механизмов обеспечения прав их участников позволили сделать вывод о несовершенстве процессуальной регламентации негласных следственных действий, об их уязвимости и неконкурентоспособности другим следственным действиям. В связи со сказанным представляется целесообразным исключение из УПК РФ ст. 185, 186 и 186.1.

14. Качественное изменение преступности и стабильно низкие показатели раскрываемости преступлений свидетельствуют о невозможности игнорирования потенциала негласного производства по уголовному делу. Выявленная высокая результативность негласной деятельности и стабильность роста значимости ее результатов в формировании доказательственной базы по уголовному делу позволили сделать вывод о том, что в скором будущем тайна сможет наравне с гласностью претендовать на закрепление в системе принципов уголовного судопроизводства. Необходимость скорейшего реформирования уголовного судопроизводства очевидна, однако одного отказа законодателя от негласных следственных действий недостаточно.

Предлагается унифицировать нормативные предписания уголовно-процессуального и оперативно-розыскного законодательства в единый институт негласной деятельности по уголовному делу,

называемый специальными розыскными мероприятиями, создать предпосылки для оптимального функционирования таких правовых явлений, как гласность и тайна, эффективной деятельности уполномоченных государственных правоохранительных и судебных органов по уголовному делу и обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

15. Совершенствование механизма правового регулирования в системе уголовно-процессуального института специальных розыскных мероприятий должно обеспечиваться путем: 1) четкого формулирования норм, регулирующих виды, порядок, основания и условия их производства; 2) создания дополнительных механизмов защиты конституционных прав и свобод участников специальных розыскных мероприятий; 3) расширения контрольных полномочий следователя (дознателя) при производстве специальных розыскных мероприятий; 4) совершенствования норм, регулирующих взаимодействие следователя (дознателя) и должностных лиц органов, осуществляющих специальные розыскные мероприятия.

16. Разработанная автором концептуальная модель Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части введения специальных розыскных мероприятий)» может стать для законодателя одним из вариантов совершенствования и унификации нормативной регламентации негласной деятельности по уголовному делу, создать предпосылки для оптимального функционирования рассматриваемых правовых явлений, эффективности деятельности государственных правоохранительных и судебных органов по уголовному делу и обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

17. В целях обеспечения права участников уголовного судопроизводства на конфиденциальность персональных данных предлагается внесение в ст. 161 УПК РФ ч. 5.1 следующего содержания:

«5.1. Участники уголовного судопроизводства вправе использовать полученные в соответствии с настоящим Кодексом в ходе предварительного расследования материалы уголовного дела в целях защиты своих интересов и реализации предоставленных им прав. Распространение в печати, информационно-телекоммуникационной сети „Интернет“, иным публичным способом, передача другим лицам материалов уголовного дела (их копий), а также

ставшей им известной информации о персональных данных участников уголовного судопроизводства без разрешения следователя или дознавателя запрещается.».

18. В целях разрешения выявленных в ходе исследования проблем взаимодействия следственных органов (подразделений дознания) и органов дознания, производящих оперативно-розыскную деятельность, повышения эффективности расследования и сохранения неприкосновенности государственной тайны и тайны предварительного расследования предлагается внести в ст. 163 и 223.2 УПК РФ нормы, регулирующие создание и деятельность по уголовному делу следственно-оперативной группы, содержащие следующие основные положения:

1) создание следственно-оперативной группы для расследования преступлений средней тяжести, тяжких и особо тяжких преступлений с **момента получения информации** о готовящемся преступлении до направления прокурором уголовного дела в суд в порядке ст. 222 УПК РФ;

2) наделение руководителя следственно-оперативной группы полномочиями:

– координации взаимодействия следователей (дознавателей) и оперуполномоченных, участвующих в следственно-оперативной группе, определения вида, последовательности, совокупности и согласованности производства следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий;

– направления в суд ходатайств о производстве оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также право на неприкосновенность жилища;

– координации (совместно с руководителем оперуполномоченных следственно-оперативной группы), руководства и контроля проведения оперативно-розыскных мероприятий, формулирования задания оперативно-поисковым и оперативно-техническим подразделениям, а также лицам, привлеченным к содействию на конфиденциальной основе;

– обеспечения защиты сведений, которые содержатся в представляемых ему для ознакомления оперативно-служебных докумен-

тах, сведений о принятии решения, направленных поручениях и методах проведения оперативно-розыскных мероприятий;

– юридической оценки информации, полученной при производстве оперативно-розыскных мероприятий и приобщении ее к материалам уголовного дела;

3) наделение руководителя оперуполномоченных следственно-оперативной группы полномочиями:

– формулирования совместно с руководителем следственно-оперативной группы задания оперативно-поисковым и оперативно-техническим подразделениям, а также лицам, привлеченным к содействию на конфиденциальной основе;

– контроля за выполнением направленных оперуполномоченными следственно-оперативной группы поручений о производстве оперативно-розыскных мероприятий.

19. В целях совершенствования механизмов обеспечения прав участников уголовного судопроизводства в УПК РФ предлагается внести следующие изменения:

1) часть третья статьи 136 дополнить предложением следующего содержания: «Форма сообщения в средствах массовой информации о реабилитации лица не должна оставлять сомнений в невиновности оправданного или обоснованности вынесенного судом, прокурором, руководителем следственного органа, следователем, дознавателем решения по уголовному делу.»;

2) часть шестую статьи 278 изложить в следующей редакции:

«б. В случае заявления сторонами обоснованного ходатайства о раскрытии подлинных сведений о лице, дающем показания, в связи с необходимостью осуществления защиты подсудимого либо установления каких-либо существенных для рассмотрения уголовного дела обстоятельств суд вправе предоставить сторонам возможность ознакомления с указанными сведениями только после получения на это согласия лица, чьи подлинные данные скрываются, данного в письменной форме. В отсутствие согласия защищаемого лица на раскрытие его подлинных данных суд, исходя из обстоятельств уголовного дела, вправе на основании пункта два части второй статьи 75 настоящего Кодекса признать показания защищаемого лица недопустимым доказательством, о чем выносится определение или постановление.»;

3) дополнить часть вторую статьи 241 пунктом пять следующего содержания:

«5. Рассмотрение уголовных дел о преступлениях, указанных в частях два и три статьи 20 настоящего Кодекса, когда стороны ходатайствуют о закрытом судебном разбирательстве.»

Теоретическая значимость диссертационного исследования обусловлена разработкой и внесением автором новых знаний в отечественную науку уголовно-процессуального права применительно к теоретическим основам гласности и тайны в российском уголовном процессе. Комплекс содержащихся в диссертации теоретических положений позволяет кардинальным образом модернизировать существующие позиции о гласности и тайне в уголовном судопроизводстве, обеспечить формирование правового режима, способствующего одновременному обеспечению конституционных прав и свобод человека и гражданина, оказавшегося в сфере уголовно-процессуальных отношений, и производству негласной деятельности по уголовному делу. Указанные положения могут быть использованы в научных исследованиях в сфере уголовно-процессуального права, при подготовке монографической и учебной литературы, диссертационных исследований по данной проблеме.

Практическая значимость диссертационного исследования. Новые положения и выводы, сформулированные относительно процессуальной регламентации гласности и тайны в уголовном судопроизводстве и средств их обеспечения, могут быть полезны для преобразования уголовно-процессуального законодательства, использованы в правоприменительной практике, научно-исследовательской работе и образовательном процессе в ходе преподавания учебных дисциплин «Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс)» и «Актуальные проблемы отдельных отраслей права».

Методологическую основу диссертационного исследования составляет комплекс научных подходов, принципов и методов. Исследование опиралось на диалектическую методологию, раскрывающую единство объекта в его сложных, многообразных проявлениях. Познание правовых явлений уголовного судопроизводства осуществлялось с позиции системного подхода, позволяющего выявлять взаимосвязи между структурными элементами изучаемых объектов, их подсистемами и окружающей средой. Преимущество исследований достигается на основе обобщения результатов

научных изысканий по уголовно-процессуальному и оперативно-розыскному праву, криминалистике, арбитражному и гражданскому процессу. С учетом многогранности изучаемых правовых явлений объяснимо обращение автора к данным, полученным представителями философии и историко-правовых наук. Соответственно, в методологическую основу исследования положен междисциплинарный подход. Методологическими принципами стали общенаучные принципы объективности и историзма, следование которым обеспечило получение достоверного знания о предмете исследования благодаря всесторонности его изучения в развитии с учетом взаимосвязей и взаимодействий с иными объектами и структурами.

С помощью формально-юридического метода анализировались нормы уголовно-процессуального законодательства, регламентирующие правовой режим доступности общественности, представителям средств массовой информации и участникам уголовного судопроизводства его хода и результатов.

На теоретическом уровне применялись абстрагирование и обобщение, позволившие систематизировать выделенные факты и дать им единое истолкование. Практически на всех этапах исследования для обеспечения достоверности выводов и предложений использовались общелогические методы (анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия).

В своей совокупности обозначенные методологические установки позволили получить целостное восприятие изучаемой предметной области и на этой основе сформировать концепцию процессуальной регламентации негласной деятельности по уголовному делу.

Эмпирической базой диссертационного исследования являются данные (в том числе статистические), полученные при обобщении материалов, опубликованных на официальных интернет-сайтах Верховного Суда Российской Федерации, Министерства внутренних дел Российской Федерации и Следственного комитета Российской Федерации, материалов судебной практики, размещенных на интернет-портале государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Правосудие» (ГАС «Правосудие»), и изучении архивных материалов.

По специально разработанным анкетам опрошен 1 241 сотрудник ОВД (следователь (дознатель) и их руководители, оперуполномоченные) из 75 субъектов Российской Федерации (слушате-

ли, прошедшие переподготовку и повышение квалификации в ФГКОУ ВО «Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации»). Проведено анкетирование 94 судей судов общей юрисдикции Волгоградской области. Изучено 3 935 уголовных дела, рассмотренных Волгоградским областным судом с 1961 по 2018 гг., а также 5 214 решений по уголовным делам судов общей юрисдикции Российской Федерации, размещенных в ГАС «Правосудие».

В диссертации нашел отражение опыт работы автора в следственных подразделениях ОВД.

Нормативно-правовую базу диссертационного исследования образуют Конституция Российской Федерации, содержащие положения о гласности и тайне в уголовном судопроизводстве общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, федеральные законы и иные нормативные правовые акты Российской Федерации, проекты отдельных нормативных правовых актов. В работе анализируются соответствующие теме исследования положения нормативных правовых актов России X–XIX вв., СССР, РСФСР, а также современного уголовно-процессуального и оперативно-розыскного законодательства стран Евразии. Кроме того, при проведении диссертационного исследования и формулировании выводов и предложений автор опирался на правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека, а также на постановления Пленума Верховного Суда СССР, РСФСР и Российской Федерации в сфере уголовного судопроизводства.

Достоверность результатов диссертационного исследования обеспечивается его комплексным характером, сбалансированным применением различных методов научного исследования, внушительной теоретической и нормативной базой, достаточным объемом эмпирического материала.

Апробация работы и внедрение результатов исследования. Основные положения диссертационного исследования изложены автором в 62 научных трудах. В их числе: 2 монографии; 2 статьи, опубликованные в журналах, индексируемых в базе данных Web of Science; 24 статьи, опубликованные в изданиях, входящих в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой

степени доктора наук и приравненные к ним свидетельства на программы для электронных вычислительных машин.

Кроме того, результаты исследования были представлены автором на 8 международных научно-практических конференциях: «Новая теория уголовно-процессуальных доказательств» (Н. Новгород, 2015), «Влияние негативных социальных явлений на формирование личности подростков» (Волгоград, 2015), «Современные проблемы борьбы с преступностью на международном уровне» (Волгоград, 2015), «Проблемы современной юриспруденции» (Волгоград, 2016), «Криминалистика и судебно-экспертная деятельность в условиях современности» (Краснодар, 2016), «Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии» (Воронеж, 2016), «Противодействие преступности в новых геополитических реалиях: методология, политика, практика» (в режиме видео-конференц-связи, Тюмень – Волгоград, 2018), «Актуальные проблемы уголовного законодательства на современном этапе» (Волгоград, 2019).

Результаты диссертационного исследования докладывались и обсуждались на совместных заседаниях кафедры уголовного процесса и кафедры организации следственной работы учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел ФГКОУ ВО «Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации». Отдельные положения и выводы внедрены в практическую деятельность следственных подразделений Главного управления МВД России по Волгоградской области, образовательный процесс ФГКОУ ВО «Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации», АНО ВО «Открытый гуманитарно-экономический университет» и НАЧОУ ВПО «Современная гуманитарная академия» (Волгоградский филиал) (всего 20 актов внедрения).

Структура и объем диссертации предопределены целями и задачами исследования и включают введение, пять глав, объединяющих одиннадцать параграфов, заключение, библиографический список и приложения.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается выбор темы исследования, ее актуальность и степень разработанности, определяются цели и задачи диссертационного исследования, его объект и предмет, методологическая основа и методы исследования, эмпирическая база, раскрываются научная новизна, обоснованность и достоверность результатов исследования, формулируются положения, выносимые на защиту, приводятся сведения о теоретической и практической значимости, об апробации результатов исследования, а также о структуре диссертации.

Первая глава диссертации «Историко-правовой анализ гласности и тайны в уголовном судопроизводстве России» включает четыре параграфа и посвящена рассмотрению историко-правовых аспектов гласности и тайны в уголовно-процессуальном праве. **В первом параграфе «Гласность и тайна в уголовном судопроизводстве России первой половины X – первой половины XIX в.: нормативная регламентация, содержание и средства обеспечения»** автор пришел к выводу, что гласность уходит своими корнями в историю страны и возникла задолго до появления первых нормативных актов древнерусского государства. Это было обусловлено, во-первых, возможностью обеспечения социальных потребностей каждого члена племени лишь посредством коллективной защиты от агрессивной окружающей среды, что воспитало восприятие обиды, нанесенной одному сородичу, как обиды, нанесенной всему племени, поэтому иск о совершении преступления и другие споры разрешались теми, кого они касались, – собранием всего племени. Во-вторых, отсутствие кодифицированных источников права «вынуждало» передавать из уст в уста, от отца к сыну порядки, предписания и решения собрания племен. Племена, а затем общины, оберегая свои обычаи, были заинтересованы в том, чтобы собрания посетили как можно больше лиц, способных сохранить эти знания.

Анализ нормативных актов рассматриваемого периода позволил сделать вывод, что первые элементы зарождающегося института гласности судопроизводства получили свое закрепление в Договоре Древней Руси с Византией 911 г., в соответствии со ст. 3 которого обвинение считалось доказанным лишь после явленного (пуб-

личного, открытого) представления доказательств на суде. Между тем на фоне усиления государственности и персональной власти князя начинается постепенное «оттеснение» членов общин от судопроизводства. Первые ограничения гласности встречаются в ст. 1–4, 58 Псковской судной грамоты 1467 г., согласно которым суд стал осуществляться в «судебной горнице», куда, кроме состава суда, истца и ответчика, никто не допускался. С появлением института представительства общин в суде и закреплением письменного порядка судопроизводства (ст. 5, 42 и ст. 21 Новгородской судной грамоты 1471 г.) началась замена словесного и публичного судопроизводства письменным и закрытым. Постепенно для подавляющего большинства неграмотного населения оно стало негласным и фактически никому не поднадзорным. Стороны процесса превратились не только в безмолвных, но и в обоюдно бесправных объектов судопроизводства, а судья – в пассивного исполнителя требований закона.

В начале XVIII в. к фактической негласности судопроизводства добавилось нормативное закрепление канцелярской тайны (гл. XXXVII Генерального регламента 1720 г.), означающей ведение всех дел тайно и от сторон процесса, и от общества. Гласность, резко противоречащая всему укладу государственного строя России, была признана крайне вредной и опасной для целей правосудия. Неизменно публичным оставались оглашение приговора и исполнение в людных местах наказания для устрашения народа.

Во втором параграфе «Гласность и тайна в уголовном судопроизводстве Российской империи второй половины XIX – первой половины XX в.: нормативная регламентация, содержание и средства обеспечения» автором сделан вывод, что присущая Древней Руси публичность судебного разбирательства в условиях развития общественных отношений Российской империи второй половины XIX в. вышла за пределы устности и прилюдности исследования доказательств, оглашения и исполнения приговора, трансформировавшись в принцип публичности судебного разбирательства, закрепленный сначала в законе об «Основных положениях преобразования судебной части в России» 1862 г., а затем в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. Значительное влияние на это оказали труды Ш. Л. Монтескье, Ч. Беккариа, И. Канта, И. Бентама и Г. В. Ф. Гегеля.

Анализ трудов правоведов Российской империи позволил автору отметить востребованность для общества особенно для уголовного судопроизводства гласности, рассматриваемой ими, во-первых, как публичное (в смысле прилюдное) судебное разбирательство, оглашение и обсуждение хода и результатов уголовного судопроизводства, во-вторых, как продукт публичности обвинения, обусловивший право общества на контроль за деятельностью судей и осуществляемым ими судебным разбирательством. При этом гласность классифицировалась на общую гласность (полную и ограниченную, посредственную и непосредственную) и гласность сторон. Впервые учеными было указано на гласность предварительного расследования.

В третьем параграфе «Гласность и тайна в советском уголовном судопроизводстве первой половины XX в.: нормативная регламентация, содержание и средства обеспечения» анализируется нормативная регламентация вопросов гласности и тайны в уголовно-процессуальном законодательстве советской России первой половины XX в. и практика применения указанных положений. В 1922 г. принимается УПК РСФСР, закрепивший в качестве принципа уголовного судопроизводства публичность судебного заседания и провозглашения приговора суда, а также основания удаления публики из зала судебного заседания (ст. 19–21). Впервые в уголовно-процессуальном законодательстве ограничения гласности судебного разбирательства были прямо связаны с необходимостью сохранения тайны (военной, дипломатической и государственной), а также с правом вовлеченных в уголовно-процессуальную сферу лиц на частную жизнь.

В советской России довоенного периода гласность рассматривалась правоведом как принцип уголовного судопроизводства, способствующий общественному контролю граждан за деятельностью должностных лиц правоохранительных органов, их правовому образованию и воспитанию, повышению уровня правовой культуры, превентивному воздействию судебного разбирательства на общество. При этом деятельность правоохранительных органов стала осуществляться не только в целях восстановления нарушенных преступлением прав человека, но и для защиты нового государственного строя, продвигать посредством гласности судебного разбирательства революционную идеологию в массы, что воспринималось

населением неоднозначно и привело к появлению двойной системы уголовного судопроизводства. К первой относились упрощенное уголовное судопроизводство по преступлениям, совершенным антисоветским элементом против государства, осуществляемое в глубочайшей тайне не только от общества, но и от самого обвиняемого и его родственников; уголовное судопроизводство по преступлениям, совершенным представителями партийной номенклатуры, осуществляемое втайне от общества в целях недопущения властями возможного роста недовольства населения неправомерной деятельностью представителей партийной номенклатуры. Ко второй – уголовное судопроизводство, исполняемое по оставшимся категориям уголовных дел, где гласность по факту получила свое гипертрофированное выражение и часто способствовала неправомерному ограничению права на неприкосновенность частной жизни лиц.

В четвертом параграфе «Гласность и тайна в уголовном судопроизводстве России второй половины XX в.: нормативная регламентация, содержание и средства обеспечения» анализируется нормативная регламентация вопросов гласности и тайны в уголовно-процессуальном законодательстве советской России второй половины XX в. и практика применения указанных положений. В трудах ученых гласность по-прежнему рассматривалась в качестве принципа уголовного судопроизводства, реализуемого посредством разбирательства судом уголовного дела в открытом заседании в присутствии посторонних лиц (граждан, публики), для которых доступ в зал судебного заседания был свободен, в целях осуществления общественного контроля за деятельностью суда, а также для воспитания у трудящихся **коммунистического** правосознания.

С принятием УПК РСФСР 1960 г. защита интересов личности приобрела более основательное закрепление, что обусловило изменение пределов действия института гласности в уголовном судопроизводстве, ограниченного необходимостью обеспечения не только государственной, но и служебной и иной охраняемой законом тайны, а также иных конституционно значимых ценностей. Более того, конец XX в. характеризуется ростом законодательной регламентации положений о тайне, распространяющих свое действие на сферу уголовно-процессуальных отношений, что свидетельствует об увеличении ее важности. Четкое определение законодателем границ гласного и тайного, открытого и закрытого уголовного судопроизвод-

ства, с одной стороны, защитило граждан от произвольного, неоправданно расширенного толкования следователем, прокурором и судом оснований ограничения сведений, не подлежащих оглашению, с другой – защитило граждан от чрезмерного, ничем не обоснованного информирования общественности и сторон процесса о данных, отнесенных к государственной и иной охраняемой законом тайне.

Во второй главе диссертации «Современное состояние гласности и тайны в уголовном судопроизводстве и средства их обеспечения» дано авторское определение гласности уголовного судопроизводства как регламентированной уголовно-процессуальным законодательством **доступности** каждому лицу хода и результатов уголовного судопроизводства, а также их обсуждения, **способствующей** правомерности и качеству деятельности должностных лиц государственных правоохранительных и судебных органов по уголовному делу, реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина, правовому просвещению и воспитанию гражданского общества, усилению превентивного воздействия уголовного процесса.

Сделан вывод о дуалистическом характере современного уголовно-процессуального законодательства, с одной стороны, регламентирующего доступность данных о ходе и результатах уголовного судопроизводства его участникам и общественности, а с другой – ограничивающего эту доступность в целях обеспечения государственной и иной охраняемой законом тайны, а также иных конституционно значимых ценностей.

Гласность рассматривается в качестве принципа уголовного судопроизводства. Пределы доступности его хода и результатов варьируются в зависимости от стадии уголовного судопроизводства и ее отдельных этапов. На основании сделанного вывода предложен проект ст. 7.1 УПК РФ. Ограничение гласности допускается лишь в целях обеспечения государственной и иной охраняемой законом тайны, а также иных конституционно значимых ценностей.

Поддержана позиция ученых, рассматривающих в качестве средств обеспечения гласности предварительного расследования право оглашения данных предварительного расследования с разрешения следователя (дознавателя) участниками расследования; право распространения следователем, дознавателем или прокурором в средствах массовой информации (СМИ), информационно-теле-

коммуникационной сети «Интернет» или иным публичным способом данных о ходе и результатах предварительного расследования; право следователя (дознателя) на оглашение данных предварительного расследования в ходе производства следственных действий, при ознакомлении с материалами уголовного дела.

Приведенный перечень дополнен диссертантом обязательностью оглашения данных расследования в открытом судебном заседании в ходе исследования доказательств; правом изложения сведений по уголовному делу в ходатайствах, заявлениях, жалобах и иных процессуальных документах по делу; в заявлениях и иных документах, подаваемых в государственные и межгосударственные органы по защите прав и свобод человека; запретом засекречивания фактов нарушения прав и свобод человека и гражданина, а также нарушения законности органами государственной власти и их должностными лицами.

Автор отмечает важность роли СМИ, а также взаимодействующих с ними специализированных подразделений государственных правоохранительных и судебных органов по информированию общественности о ходе и результатах предварительного расследования и судебного разбирательства. Изучение практики вовлечения следователей (дознателей) ОВД и их руководителей, судей судов общей юрисдикции в работу со СМИ позволило диссертанту назвать такое взаимодействие эффективным и универсальным средством доведения до общественности интересующей ее информации, позволяющим одновременно обеспечить достоверность информирования и сохранность тайны предварительного расследования и иной охраняемой законом тайны.

Информация об уголовном судопроизводстве доводится до общественности и при реализации права реабилитированного лица на распространение официальных извинений прокурора от имени государства за причиненный вред незаконными действиями должностных лиц государственных правоохранительных и судебных органов. Для устранения выявленного несовершенства правоприменительной практики предложено дополнить ч. 3 ст. 136 требованием о недопущении придания СМИ такой формы сообщения о реабилитации лица, которая оставляла бы сомнения в его невиновности или обоснованности вынесенного по уголовному делу решения.

Реализуемая в ходе предварительного расследования гласность имеет ряд ограничений, связанных с правом запрета следователем (дознавателем) оглашения данных участниками расследования; запретом разглашение данных о частной жизни участников уголовного судопроизводства без их согласия, а также данных о частной жизни несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего 14 лет, без согласия его законного представителя; обязанностью следователя (дознавателя) принять меры для неразглашения выявленных в ходе обыска и выемки обстоятельств частной жизни лица, в помещении которого был произведен обыск, его личной и (или) семейной тайны, а также обстоятельств частной жизни других лиц.

Право присутствия каждого лица на судебном разбирательстве дает возможность, с одной стороны, непосредственно получать информацию о деятельности суда по уголовному делу, а затем транслировать ее, тем самым реализовывать право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом (ч. 4 ст. 29 Конституции Российской Федерации), с другой – осуществлять контроль за законностью рассматриваемой деятельности.

Исследование оснований проведения закрытого судебного разбирательства, регламентированных ч. 2 ст. 241 УПК РФ, позволило автору присоединиться к ученым, рассматривающим их в качестве средств обеспечения тайны. По мнению диссертанта, к указанной в п. 1 ч. 2 ст. 241 УПК РФ иной охраняемой федеральным законом тайне можно отнести только те тайны, необходимость обеспечения которых получила свое законодательное выражение. При этом проведение закрытого судебного разбирательства не рассматривается средством обеспечения тайны предварительного расследования, поскольку по окончании предварительного расследования его цели достигнуты и необходимость охраны его интересов теряет свою актуальность, между тем другие виды тайн (например, банковская и врачебная тайны), ставшие известными в ходе предварительного расследования (или ставшие объектом его изучения), подлежат защите.

Отдельного внимания, на взгляд автора, заслуживает ч. 3 ст. 56 УПК РФ, предоставившая свидетельский иммунитет, который рассматривается как тайна в уголовном судопроизводстве, однако обеспечиваемая не производством закрытого судебного разбира-

тельства, а запретом допроса в качестве свидетелей определенной категории лиц для выяснения обстоятельств, ставших им известными в связи с осуществлением профессиональной деятельности.

Гласность уголовного судопроизводства получила закрепление и на стадии исполнения приговора, являющейся важной частью уголовного судопроизводства, однако нуждающейся в детальном законодательном регулировании на этапе подготовки и назначения судебного заседания при рассмотрении и решении вопросов, связанных с исполнением приговора.

Третья глава диссертации «Особенности реализации отдельных вопросов гласности уголовного судопроизводства» состоит из трех параграфов. В первом **«Гласность для участников уголовного судопроизводства: понятие, содержание и средства обеспечения»** аргументируется вывод о том, что гласность в зависимости от адресата доступности хода и результатов уголовного судопроизводства классифицируется на общую гласность и гласность для его участников.

Гласность для участников уголовного судопроизводства (называемая учеными Российской империи гласностью сторон) рассматривается диссертантом в качестве регламентированного уголовно-процессуальным законодательством правового режима доступности участникам процесса его хода и результатов, пределы действия которой зависят от процессуального статуса самого участника, стадии уголовного судопроизводства и отдельных ее этапов. Обосновывая свой вывод, автор отмечает ошибочность суждений некоторых ученых, рассматривающих данный вид гласности как проявление принципа состязательности сторон, поскольку его реализация возможна и в условиях **равного отсутствия у сторон доступа** к информации об осуществляемом производстве. Слепое следование требованию о равноправии сторон, но в отсутствие гласности уголовного судопроизводства не способно обеспечить реализацию прав его участников на получение данных о ходе и результатах предварительного расследования и судебного разбирательства. Значение гласности для участников уголовного судопроизводства особенно возрастает в условиях запрета разглашения данных предварительного расследования и при производстве судебного заседания в закрытом режиме.

Сказанное позволило автору сделать вывод о правомерности появления в 2014 г. в ч. 6.1 ст. 241 УПК РФ требования законодате-

ля о непосредственном участии подсудимого в судебном заседании, указывающего на то, что адресатом гласности судебного разбирательства выступает не только общественность, но и подсудимый.

По мнению диссертанта, процессуальными средствами обеспечения гласности для участников уголовного судопроизводства являются: право участников уголовного судопроизводства на непосредственное присутствие при производстве следственных действий (производимых по их ходатайству и с разрешения следователя (дознателя)), в судебных заседаниях и при оглашении приговора; право участников уголовного судопроизводства на получение уведомления, извещения, объявления о принятых по уголовному делу решениях в той части, в какой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их права и законные интересы; право участников уголовного судопроизводства на получение копий процессуальных решений, подлежащих обязательному предоставлению должностным лицом государственного правоохранительного и судебного органа, в производстве которого находится уголовное дело, и право сторон на ознакомление с материалами уголовного дела, в том числе с обвинительными актом и постановлением, протоколом судебного заседания, приговором и особым мнением судьи.

Во втором параграфе «Участие общественности как элемент гласности уголовного судопроизводства» отмечается, что расцвет участия общественности в уголовном судопроизводстве пришелся сначала на первые годы существования советской власти, а затем на вторую половину XX в. Однако такое участие сводилось к тому, что информацией о ходе и результатах уголовного судопроизводства располагала лишь небольшая группа лиц, формально исполняющих свою «роль» с одобрения руководства предприятия, организации и в соответствии с идеологией государства. В связи с этим назвать участие общественности в уголовном судопроизводстве самостоятельным и эффективным средством обеспечения гласности уголовного судопроизводства не представляется возможным.

За последние десятилетия понятие общественности, участвующей в делах государства и контроле за деятельностью правоохранительных и судебных органов, эволюционировало от участия наиболее активных членов трудового коллектива до участия каждого индивида, который может делать это как непосредственно, так

и опосредовано, как анонимно, так и открыто независимо от принадлежности к общественным объединениям или группам, политических взглядов, гендерных признаков или материального благополучия.

В современных условиях, несмотря на отсутствие в УПК РФ упоминаний об участии общественности, ее деятельность в рамках уголовного судопроизводства стала более активной при этом без нарушения принципа независимости должностных лиц государственных правоохранительных и судебных органов и вмешательства в их деятельность, а также с соблюдением принципа неприкосновенности частной жизни и других легитимных частных интересов.

В третьем параграфе «Выездное судебное заседание как средство обеспечения гласности уголовного судопроизводства» автором отражена историческая обусловленность проведения судебных заседаний в Древней Руси, а затем в Российской империи в местах наибольшего скопления населения или на месте совершения преступления. В советской России выездные судебные заседания рассматриваются как важное средство идеологической пропаганды, правового и нравственного воспитания граждан, устранения причин и условий, способствовавших совершению преступления, а также для производства следственных действий.

Анализ современной практики проведения выездных судебных заседаний позволил диссертанту аргументировать вывод об изменении целей их производства: теперь они обеспечивают не столько правовое воспитание, превентивное воздействие и контроль со стороны общества, сколько реализацию права подозреваемого, обвиняемого, подсудимого и осужденного на непосредственность участия в судебном заседании в случаях, когда состояние здоровья (наличие инвалидности, обездвиженность) не позволяет их транспортировку, а также для производства судом следственных действий. Между тем специфичность места проведения современных выездных судебных заседаний, обусловленных местом нахождения подозреваемого, обвиняемого, подсудимого и осужденного, является препятствием реализации гарантированной каждому лицу доступности судебного разбирательства. Таким образом, существующая сегодня процессуальная регламентация и практика проведения выездных судебных заседаний не способна в полной мере обеспечить реализацию гласности судебного разбирательства.

Четвертая глава диссертации «Транспарентность в уголовном судопроизводстве» состоит из двух параграфов. В первом **«Транспарентность в уголовном судопроизводстве для неограниченного круга лиц: понятие, содержание и средства обеспечения»** автор указывает на то, что независимо от отраслевой принадлежности транспарентность связывается законодателем с доступностью каждому заинтересованному лицу общественно значимой информации о функционировании органов государственной власти, подлежащей своевременному предоставлению и отвечающей требованиям о ее достоверности, полноте и понятности получателю, позволяющей контролировать их деятельность, формировать адекватное представление о ее эффективности и легитимности. С учетом того что государственные правоохранительные и судебные органы, наделенные полномочиями в уголовном судопроизводстве, – часть системы государственных органов, автор сделал вывод, что названные характеристики транспарентности распространяются и на их деятельность.

По мнению диссертанта, обязательной к предоставлению неограниченному кругу лиц является: общая информация (законы, регламентирующие деятельность таких органов, их наименование и место расположения; функции и структура; сведения об информационных системах и банках данных; данные статистики; данные о порядке и времени приема граждан, порядке рассмотрения их обращений по вопросам организации деятельности государственного органа, жалоб на действия (бездействие) должностных лиц; номер телефона, сайта, где можно получить информацию справочного характера); информация о кадровой политике (порядок наделения полномочиями, требования к кандидатам на должность и порядок их отбора); информация, связанная с предварительным расследованием и рассмотрением судом уголовных дел (форма и содержание документов, используемых при обращении в государственный орган; порядок ознакомления с материалами дела лиц, участвующих в деле; номера телефонов, по которым можно получить информацию справочного характера; порядок обжалования действий следователя (дознателя), суда); сведения о конкретных уголовных делах, находящихся в органах предварительного расследования и судах (о дате, времени и месте проведения судебного заседания; сведения о вынесенных судебных актах по результатам рассмотрения дел; информация о внепроцессуальных обращениях, поступивших в суд).

Своевременное доведение названной информации до общественности позволяет реализовать право на получение данных о ходе и результатах предварительного расследования и судебного разбирательства по конкретному уголовному делу и результатах деятельности уполномоченных государственных органов по противодействию преступности.

Средствами обеспечения доступности информации неограниченному кругу лиц о функционировании государственных правоохранительных и судебных органов в уголовно-процессуальной сфере являются: размещение на официальном сайте в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», в помещениях государственных правоохранительных и судебных органов, других общедоступных местах информационных памяток, буклетов, писем, плакатов, баннеров и т. д.; организация общественного обсуждения новых законов, вопросов нормативной регламентации и функционирования государственных правоохранительных и судебных органов; отчеты (очные выступления) должностных лиц государственных правоохранительных и судебных органов; ответы должностных лиц государственных правоохранительных и судебных органов на запросы граждан, организаций и СМИ во время личного приема, при проведении мероприятий с участием граждан, по телефонам справочной службы; информационно-разъяснительная работа должностных лиц или пресс-служб государственных правоохранительных и судебных органов; обеспечение доступа к архивным фондам и электронным базам текстов судебных актов.

По мнению автора, отдельного внимания заслуживает ч. 3 ст. 8.1 УПК РФ, обязывающая передать гласности и довести до участников судебного разбирательства информацию о внепроцессуальных обращениях, поступивших судьям по уголовным делам, находящимся в их производстве, либо председателю суда, его заместителю, председателю судебного состава или председателю судебной коллегии по уголовным делам, находящимся в производстве суда.

Во втором параграфе «Транспарентность в уголовном судопроизводстве для его участников: понятие, содержание и средства обеспечения» автор отмечает, что транспарентность уголовного судопроизводства для его участников – это свойство функционирования государственных правоохранительных и судебных органов и их должностных лиц, наделенных полномочиями в уголовном су-

допроизводстве, выражающееся в доступности каждому его участнику (в объеме, зависящем от его процессуального статуса) достоверной, полной, понятно изложенной и своевременно предоставленной информации, позволяющей последнему реализовывать цели своего участия и контролировать деятельность должностных лиц государственных правоохранительных и судебных органов по уголовному делу.

К информации, подлежащей обязательному предоставлению участникам уголовного судопроизводства, относится информация об их процессуальном статусе в уголовном судопроизводстве, объеме прав и обязанностей; о должности, фамилии, имени и отчестве лица, в производстве которого находится уголовное дело, лица, производящего процессуальное действие, или лица, принявшего процессуальное решение, их полномочиях; характере предстоящего процессуального действия, дате, времени и месте производства, его цели, сущности и порядке, процессуальном статусе его участников, объеме их прав и обязанностей (в связи с участием); об основаниях принятия процессуальных решений, порядке и сроках их обжалования; о нормах материального и процессуального права, подлежащих применению по уголовному делу.

По мнению автора, **процессуальными** средствами обеспечения транспарентности уголовного судопроизводства для его участников является: разъяснение, уведомление, извещение, объявление участникам уголовного судопроизводства информации, подлежащей обязательному предоставлению, для реализации целей их участия и контроля за деятельностью должностных лиц государственных правоохранительных и судебных органов по уголовному делу; фиксация в материалах уголовного дела юридически значимых действий и решений уполномоченных должностных лиц по уголовному делу; предоставление участникам уголовного судопроизводства, не владеющим или недостаточно владеющим языком, на котором ведется производство по уголовному делу, переводчика, а также переведенных следственных и судебных документов, подлежащих обязательному вручению.

Независимо от характера и тяжести преступления, личности виновного и потерпевшего, наличия в деле сведений, отнесенных к государственной, служебной и иной охраняемой законом тайне, а также от проявленного к нему общественностью интереса транспарентность для участников уголовного судопроизводства способствует своевременному предоставлению каждому участнику (в со-

ответствии с его процессуальным статусом) понятной и достоверной информации об уголовном судопроизводстве, позволяет сторонам процесса самостоятельно ее контролировать, оперативно реагировать на нарушения их конституционных прав и свобод.

Пятая глава «Процессуальная негласная деятельность по уголовному делу» состоит из двух параграфов. В первом **«Компаративистский анализ процессуальной регламентации негласной деятельности по уголовному делу»** сделан вывод о том, что в последние десятилетия за рубежом активизировались процессы частичного наполнения УПК нормами оперативно-розыскного законодательства. Выявлены две основных модели названного интегрирования:

– фактическое дублирование норм оперативно-розыскного законодательства (Республика Молдова), их полное перемещение в УПК (Эстонская Республика), переадресация в положениях УПК к нормам оперативно-розыскного законодательства (Республика Армения), регламентирующим производство оперативно-розыскных мероприятий, с правом их инициирования лицом, осуществляющим расследование, производимых исключительно сотрудниками оперативных и оперативно-розыскных подразделений;

– процессуальное закрепление принципиально новых следственных действий (называемых негласными, тайными или специальными), производимых с применением познавательных приемов оперативно-розыскного характера, инициированных лицом, уполномоченным осуществлять расследование, сотрудниками оперативных и оперативно-розыскных подразделений (Грузия, Китай, Латвия, ФРГ) и/или самим следователем (Украина, Казахстан, Киргизия).

Особенностью рассматриваемой негласной деятельности стало **временное сохранение в тайне** от участников процесса самого факта ее производства и полученных результатов (рассматриваемых в качестве полноценных доказательств), а также создание в качестве компенсационных мер **дополнительных процессуальных гарантий обеспечения их прав.**

Проведенный сравнительный анализ уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики некоторых стран Евразии показал потребность современного уголовного судопроизводства не только в гласной, но и в негласной деятельности и в возможности сочетания названных правовых явлений без глобального искажения принципа гласности уголовного судопроизводства.

Во втором параграфе «Процессуальная негласная деятельность по уголовному делу: понятие, содержание и классификация» отражены результаты анализа УПК РФ, указавшего на присутствие в нем положений, регламентирующих негласную деятельность по уголовному делу. При этом процессуальная негласная деятельность по уголовному делу представляет собой двуединый процесс негласной деятельности следователя (дознавателя) и негласной деятельности органа дознания, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность по поручению следователя (дознавателя) или в целях обнаружения лица, совершившего преступление.

Процессуальная негласная деятельность следователя (дознавателя) по уголовному делу дифференцирована: 1) на негласные следственные действия: наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка; контроль и запись переговоров; получение информации о соединениях между абонентами и/или абонентскими устройствами; 2) относительно негласные действия следователя (дознавателя): запрет на предание гласности данных предварительного расследования; сохранение в тайне факта задержания подозреваемого; наложение ареста на имущество; обыск; выемка; 3) деятельность следователя (дознавателя), осуществляемая на основе конфиденциальности: применение мер по обеспечению безопасности участников уголовного судопроизводства.

Отсутствие четкой процессуальной формы негласных следственных действия, дефицит контрольных полномочий у следователя (дознавателя) и механизмов обеспечения прав их участников свидетельствуют об уязвимости и неконкурентоспособности доказательств, полученных посредством их производства. Сказанное позволяет присоединиться к группе ученых, выступающих за исключение негласных следственных действий из УПК РФ.

Негативное качественное изменение преступности не позволяет полностью отказаться от процессуальной регламентации показавших свою эффективность негласных методов расследования. В связи с этим автором предложена концептуальная модель Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части введения специальных розыскных мероприятий)», регламентирующая производство специальных розыскных мероприятий, осуществляемых по поручению следователя (дознавателя), положения которых усилены дополнительными

ми механизмами обеспечения прав участников уголовного судопроизводства и контрольных полномочий лиц, их инициировавших.

В заключении формулируются выводы, сделанные автором диссертационного исследования, высказываются предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства.

Приложения содержат результаты проведенного анкетирования практических работников, авторские проекты федеральных законов о внесении изменений в УПК РФ и концептуальную модель Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части введения специальных розыскных мероприятий)».

**Основные научные положения и результаты
диссертационного исследования
отражены в следующих публикациях автора**

Монографии, учебники, препринты, пособия

1. *Колосович, М. С.* Гласность уголовного судопроизводства: историко-правовой анализ [Текст] : моногр. / М. С. Колосович. – Москва : Юрлитинформ, 2017. – 272 с. – 17 п.л.

2. *Колосович, М. С.* Процессуальные средства обеспечения гласности и тайны уголовного судопроизводства [Текст] : моногр. / М. С. Колосович. – Волгоград : ВА МВД России, 2018. – 580 с. – 36,35 п.л.

3. *Колосович, М. С.* Гласность уголовного судопроизводства России (историко-правовой анализ) [Текст] : препринт / М. С. Колосович. – Волгоград : ООО «Сфера», 2016. – 50 с. – 4,3 п.л.

4. *Колосович, М. С.* Процессуальные средства обеспечения гласности и тайны уголовного судопроизводства [Текст] : препринт / М. С. Колосович. – Волгоград : ВА МВД России, 2017. – 64 с. – 2,66 п.л.

5. *Колосович, М. С.* Обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства [Текст] // Уголовный процесс : учебник : в 3 ч. – Ч. 2. Досудебное производство по уголовным делам / под ред. В. Г. Глебова, Е. А. Зайцевой. – 5-е изд., перераб. и доп. – Волгоград : ВА МВД России, 2017. – 260 с. – С. 63–70. – 16,25/0,46 п.л.

6. *Колосович, М. С.* Обеспечение тайны при производстве по уголовному делу с участием несовершеннолетнего [Текст] : учеб. пособие / М. С. Колосович, Е. Е. Грабовец. – Волгоград : ООО «Сфера», 2015. – 82 с. – 4,7/2,07 п.л.

7. *Колосович, М. С.* Организация взаимодействия при раскрытии и расследовании преступлений специализированными подразделениями дознания органов внутренних дел [Текст] : учеб. пособие / М. С. Колосович [и др.]. – Волгоград : ВА МВД России, 2016. – 76 с. – 3,16/1,25 п.л.

8. *Колосович, М. С.* Деятельность следователя на стадии возбуждения уголовного дела [Текст] : учеб. пособие / М. С. Колосович, О. С. Колосович, Т. И. Ширяева. – Волгоград : ВА МВД России, 2016. – 92 с. – 4,18/2,08 п.л.

9. *Колосович, М. С.* Правовые основания использования результатов оперативно-разыскной деятельности в уголовном судопроизводстве

производстве [Текст] : учеб. пособие / М. С. Колосович. – Волгоград : ВА МВД России, 2018. – 60 с. – 2,5 п.л.

***Статьи, опубликованные в изданиях,
индексируемых в базе данных Web of Science***

10. Колосович, М. С. Содержание и средства обеспечения гласности уголовного судопроизводства в трудах ученых Европы XVIII–XIX столетий [Текст] / М. С. Колосович // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 2 (42). – С. 38–44. – 0,54 п.л.

11. Колосович, М. С. Транспарентность государственных органов: нормативная регламентация, понятие, содержание и средства обеспечения [Текст] / М. С. Колосович // Государство и право. – 2019. – № 7. – С. 16–28. – 0,82 п.л.

***Статьи, опубликованные в изданиях, включенных
в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций на соискание ученой
степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора
наук, и приравненные к ним свидетельства
на программы для электронных вычислительных машин***

12. Колосович, М. С. Контроль и запись переговоров – следственно-оперативное мероприятие? [Текст] / М. С. Колосович, О. С. Колосович // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2010. – № 3 (14). – С. 130–134. – 0,28/0,14 п.л.

13. Колосович, М. С. Правовая регламентация международного сотрудничества правоохранительных органов при осуществлении оперативно-разыскной деятельности и использовании ее результатов: современное состояние и перспективы развития [Текст] / М. С. Колосович, Э. Ж. Чхвимиани // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2014. – № 2 (29). – С. 80–89. – 0,74/0,37.

14. Колосович, М. С. Государственная защита участников уголовного судопроизводства как средство обеспечения их прав и законных интересов [Текст] / М. С. Колосович, О. С. Колосович, П. П. Смольяков // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 10 (47). – С. 2303–2309. – 0,6/0,2 п.л.

15. Колосович, М. С. Производство негласных следственных

действий по УПК России, Украины, Казахстана и Киргизии [Текст] / М. С. Колосович // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2015. – № 3 (33). – С. 139–147. – 0,63 п.л.

16. *Колосович, М. С.* Зарождение процедуры розыска и формирования доказательств в праве Древней Руси [Текст] / М. С. Колосович // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2015. – № 3 (34). – С. 95–99. – 0,44 п.л.

17. *Колосович, М. С.* Подготовка сотрудников полиции ведомственными образовательными организациями Федеративной Республики Германии с использованием конфиденциальной информации территориальных органов внутренних дел [Текст] / М. С. Колосович, Б. П. Смагоринский, О. С. Колосович // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2015. – № 4 (35). – С. 146–153. – 0,67/0,22 п.л.

18. *Колосович, М. С.* Негласная деятельность по уголовному делу [Текст] / М. С. Колосович // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 2 (63). – С. 138–145. – 0,55 п.л.

19. *Колосович, М. С.* Тайна в уголовном судопроизводстве: современное состояние и перспективы развития [Текст] / М. С. Колосович // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. – 2016. – № 2 (35). – С. 26–32. – 0,6 п.л.

20. *Колосович, М. С.* Современные вопросы процессуальной регламентации негласного производства и взаимодействия следователя с сотрудниками оперативных подразделений [Текст] / М. С. Колосович // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2016. – № 1 (23). – С. 48–54. – 0,73 п.л.

21. *Колосович, М. С.* Интеграция оперативно-разыскной и уголовно-процессуальной деятельности в законодательстве некоторых государств постсоветского пространства: современное состояние и перспективы развития [Текст] / М. С. Колосович // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. – № 5. – С. 151–157. – 0,53 п.л.

22. *Колосович, М. С.* Сохранение конфиденциальности информации при оказании правовой помощи иностранному государству [Текст] / М. С. Колосович // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2016. – № 2 (36). – С. 90–98. – 0,78 п.л.

23. *Колосович, М. С.* Современные аспекты гласности судебного разбирательства и деятельности суда [Текст] / М. С. Колосович //

Вестник Воронежского института МВД России. – 2016. – № 2. – С. 64–71. – 0,89 п.л.

24. *Колосович, М. С.* Проблемы гласности рассмотрения в судебном заседании ходатайства о наложении ареста на имущество [Текст] / М. С. Колосович // Алтайский юридический вестник. – 2017. – № 2 (18). – С. 113–118. – 0,57 п.л.

25. *Колосович, М. С.* Нормативная регламентация средств обеспечения гласности судебного разбирательства периода становления советского государства [Текст] / М. С. Колосович // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2017. – № 1 (40). – С. 81–89. – 1,01 п.л.

26. *Колосович, М. С.* Участие общественных обвинителей и защитников как механизм реализации гласности в советском уголовном судопроизводстве [Текст] / М. С. Колосович // Вестник Воронежского института МВД России. – 2017. – № 2. – С. 68–75. – 0,64 п.л.

27. *Колосович, М. С.* Современные аспекты гласности стадии исполнения приговора [Текст] / М. С. Колосович // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2017. – № 2 (41). – С. 83–90. – 0,61 п.л.

28. *Колосович, М. С.* Проблемы реализации гласности предварительного следствия советской России довоенного периода [Текст] / М. С. Колосович // Юристъ-Правоведъ. – 2017. – № 2 (81). – С. 95–102. – 0,63 п.л.

29. *Колосович, М. С.* Механизмы реализации гласности сторон уголовного судопроизводства (историко-правовой анализ) [Текст] / М. С. Колосович // Алтайский юридический вестник. – 2017. – № 3 (19). – С. 12–18. – 0,64 п.л.

30. *Колосович, М. С.* Выездные судебные заседания в советском уголовном судопроизводстве [Текст] / М. С. Колосович // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. – 2017. – № 3 (40). – С. 60–67. – 0,48 п.л.

31. *Колосович, М. С.* Участие подсудимого в судебном разбирательстве как элемент гласности сторон [Текст] / М. С. Колосович // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2017. – № 3 (42). – С. 95–101. – 0,29 п.л.

32. *Колосович, М. С.* Анализ преобразования процедуры получения доказательств из публичной в закрытую [Текст] / М. С. Колосович, О. С. Колосович // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2018. – № 1 (44). – С. 122–127. – 0,23/0,12 п.л.

33. *Колосович, М. С.* Нормативная регламентация гласности уголовного судопроизводства России: ретроспективный анализ [Текст] / М. С. Колосович, О. С. Колосович // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2018. – № 4 (47). – С. 98–103. – 0,5/0,25 п.л.

34. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ 2016612811. Рос. Федерация. Деятельность дознавателя при расследовании угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью на первоначальном этапе и реализация права его участников на получение информации о процессуальных решениях : автоматизированная обучающая система / М. С. Колосович, Н. В. Ходякова, Д. Л. Еськин, О. С. Колосович ; зарегистр. 10.03.2016.

35. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ 2016614592. Система гласных и негласных действий по уголовному делу : автоматизированная обучающая система / М. С. Колосович ; зарегистр. 27.04.2016.

Статьи, опубликованные в иных изданиях

36. *Колосович, М. С.* Проблемы отнесения контроля и записи переговоров к следственным действиям [Текст] / М. С. Колосович, О. С. Колосович // Проблемы правопонимания и правоприменения: теория и практика : материалы межрегион. науч.-практ. конф. (Волжский, 28 мая 2009 г.) / отв. ред. А. Э. Ушамирский. – Волгоград : ВА МВД России, 2009. – Ч. 2. – С. 108–114. – 0,4/0,2 п.л.

37. *Колосович, М. С.* Процессуальные вопросы использования результатов оперативно-разыскной деятельности по уголовным делам [Текст] / М. С. Колосович, К. А. Фортуна // Проблемы борьбы с преступностью: российский и международный опыт : сб. науч. тр. / редкол. : С. А. Янин, М. С. Колосович, Е. А. Зайцева. – Волгоград : Волгоградское науч. изд-во, 2014. – Вып. 5. – С. 64–69. – 0,24/0,12 п.л.

38. *Колосович, М. С.* Процессуальная регламентация обеспечения прав лиц, в отношении которых осуществлялись оперативно-разыскные мероприятия [Текст] / М. С. Колосович // Проблемы борьбы с преступностью: российский и международный опыт : сб. науч. тр. / редкол. : С. А. Янин, М. С. Колосович, Е. А. Зайцева. – Волгоград : Волгоградское науч. изд-во, 2014. – Вып. 5. – С. 74–81. – 0,32 п.л.

39. *Колосович, М. С.* Правообеспечительная деятельность следователя при негласном производстве по уголовному делу [Текст] /

М. С. Колосович // Проблемы борьбы с преступностью: российский и международный опыт : сб. науч. тр. / редкол. : С. А. Янин, Д. В. Шувалов, В. Г. Волколупов. – Волгоград : Волгоградское науч. изд-во, 2014. – Вып. 6. – С. 42–49. – 0,3 п.л.

40. *Колосович, М. С.* Система негласных следственных действий и решений [Текст] / М. С. Колосович // Массовые коммуникации на современном этапе развития мировой цивилизации: материалы всерос. науч. конф. с междунар. участием. – Красково : Гуманитарно-социальный ин-т, 2015. – С. 355–360. – 0,33 п.л.

41. *Колосович, М. С.* Современные уголовные и уголовно-процессуальные аспекты сохранения тайны по уголовным делам с участием несовершеннолетнего: отечественный и зарубежный опыт практики [Текст] / М. С. Колосович // Современные проблемы борьбы с преступностью на международном уровне : сб. науч. тр. по материалам междунар. науч.-практ. конф. (Волгоград, 29 октября 2015 г.) / отв. ред. А. Г. Заблочкия. – Волгоград : Волгоградское регион. отд. ВПА МПА ; издательство ИП Поликарпов И. Л., 2015. – С. 131–136. – 0,26 п.л.

42. *Колосович, М. С.* Процессуальная негласная деятельность следователя по уголовному делу [Текст] / М. С. Колосович, В. А. Кузнецов // Проблемы социально-гуманитарных наук : материалы межвуз. науч.-практ. конф. (март 2015 г.) / под ред. В. Н. Игнатова. – Волгоград : ООО «Сфера», 2015. – С. 41–47. – 0,36/0,18 п.л.

43. *Колосович, М. С.* Процессуальные проблемы обжалования решений и действий должностных лиц органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность [Текст] / М. С. Колосович, В. Ю. Батурин // Проблемы социально-гуманитарных наук : материалы межвуз. науч.-практ. конф. (март 2015 г.) / под ред. В. Н. Игнатова. – Волгоград : ООО «Сфера», 2015. – С. 7–12. – 0,28/0,14 п.л.

44. *Колосович, М. С.* Проблемы сохранения в тайне информации о задержании подозреваемого в свете Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 30.12.2015 № 437-ФЗ [Электронный ресурс] / М. С. Колосович // Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений : сб. науч. тр. / редкол. : Д. В. Котельникова [и др.]. – Волгоград : ВА МВД России, 2016. – Вып. 2. – С. 64–68. – 0,18 п.л.

45. *Колосович, М. С.* Конституционное право подозреваемого на ложь и разглашение данных предварительного расследования

[Текст] / М. С. Колосович // Проблемы современной юриспруденции : сб. статей междунар. науч.-практ. конф. (15 февраля 2016 г.) / сост. Д. В. Васильев ; редкол. Д. В. Кайргалиев [и др.]. – Волгоград : Изд-во Поликарпов И.Л., 2016. – С. 128–133. – 0,34 п.л.

46. *Колосович, М. С.* Гласность и тайна судопроизводства по законодательству древнерусского государства [Текст] / М. С. Колосович // Проблемы современной юриспруденции : сб. статей междунар. науч.-практ. конф. (15 февраля 2016 г.) / сост. Д. В. Васильев ; редкол. Д. В. Кайргалиев [и др.]. – Волгоград : Изд-во Поликарпов И. Л., 2016. – С. 122–127. – 0,31 п.л.

47. *Колосович, М. С.* Ограничение нормами международного права распространения информации при направлении поручения по уголовному делу [Текст] / М. С. Колосович // Проблемы социально-гуманитарных наук : материалы межвуз. науч.-практ. конф. (март 2016 г.) / под ред. В. Н. Игнатова. – Волгоград : ООО «Сфера», 2016. – Ч. I. – С. 23–30. – 0,27 п.л.

48. *Колосович, М. С.* Информационное обеспечение судебной системы как механизм реализации гласности ее деятельности [Текст] / М. С. Колосович // Проблемы социально-гуманитарных наук : материалы межвуз. науч.-практ. конф. (март 2016 г.) / под ред. В. Н. Игнатова. – Волгоград : ООО «Сфера», 2016. – Ч. I. – С. 30–39. – 0,32 п.л.

49. *Колосович, М. С.* Конфиденциальность международного сотрудничества при расследовании трансграничных сетевых компьютерных преступлений [Текст] / М. С. Колосович // Преступность в сфере информационно-телекоммуникационных технологий: проблемы предупреждения, раскрытия и расследования преступлений : сб. материалов всерос. науч.-практ. конф. (Воронеж, 22 апреля 2016 г.) / под ред. А. Л. Осипенко. – Воронеж : Воронежский ин-т МВД России, 2016. – С. 93–102. – 0,56 п.л.

50. *Колосович, М. С.* Негласная деятельность следователя: сравнительно-правовой анализ [Текст] / М. С. Колосович // Криминалистика и судебно-экспертная деятельность в условиях современности : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. (29 апреля 2016 г.) / редкол. : С. В. Пахомов [и др.]. – Краснодар : Краснодарский ун-т МВД России, 2016. – С. 458–463. – 0,28 п.л.

51. *Колосович, М. С.* Транспарентность деятельности полиции [Текст] / М. С. Колосович // Общественная безопасность, закон-

ность и правопорядок в III тысячелетии : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. (Воронеж, 16 июня 2016 г.). – Воронеж : Воронежский ин-т МВД России, 2016. – Ч. 1. – С. 50–56. – 0,38 п.л.

52. *Колосович, М. С.* Вопросы обеспечения анонимности участника уголовного судопроизводства при применении мер государственной защиты [Текст] / М. С. Колосович // Судебная экспертиза: прошлое, настоящее и взгляд в будущее: материалы ежегод. всерос. науч.-практ. конф. (2–3 июня 2016 г.) / сост. : О. С. Лейнова, Е. С. Иванова. – Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та МВД России, 2016. – С. 167–172. – 0,35 п.л.

53. *Колосович, М. С.* Транспарентность как механизм повышения эффективности общественного контроля за деятельностью правоохранительных органов (на примере Республики Казахстан) [Текст] / М. С. Колосович // Актуальные вопросы обеспечения общественной безопасности и противодействия преступности в Крымском федеральном округе : материалы всерос. науч.-практ. конф. (16 июня 2016 г.) / под общ. ред. С. А. Буткевича. – Краснодар : Краснодарский ун-т МВД России, 2016. – С. 196–199. – 0,27 п.л.

54. *Колосович, М. С.* Вопросы информационно-технического обеспечения транспарентности предварительного расследования [Текст] / М. С. Колосович // Сборник материалов деловой программы XX междунар. выставки средств обеспечения безопасности государства «Интерполитекс-2016», (Москва, ВДНХ, 18–21 октября 2016 г.). – Москва : Интерполитех, 2016. – С. 192–194. – 0,13 п.л.

55. *Колосович, М. С.* Гласность предварительного следствия Российской империи конца XIX века расследования [Текст] / М. С. Колосович // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности : материалы междунар. науч.-практ. конф. (22–23 сентября 2016 г.) / под общ. ред. В. А. Сосова. – Краснодар : Изд. дом «Юг», 2017. – С. 587–592. – 0,33 п.л.

56. *Колосович, М. С.* Применение современных информационных технологий в целях обеспечения гласности судов [Электронный ресурс] / М. С. Колосович, О. С. Колосович // Подготовка сотрудников полиции к использованию информационных технологий в борьбе с преступностью : сб. науч. тр. по материалам II всерос. межвуз. науч.-практ. конф. (Волгоград, 6 декабря 2016 г.) / под ред. Н. В. Ходяковой. – Волгоград : ВА МВД России, 2017. – Вып. 2. – С. 31–37. – 0,25/0,13 п.л.

57. *Колосович, М. С.* «Интернет нам в помощь» или информированность общественности как эффективное средство противодействия преступности [Электронный ресурс] / М. С. Колосович // Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений : сб. науч. тр. / редкол. : Д. В. Котельникова [и др.]. – Волгоград : ВА МВД России, 2017. – Вып. 3. – С. 66–70. – 0,32 п.л.

58. *Колосович, М. С.* Процессуальные средства обеспечения гласности заключительного этапа предварительного расследования [Электронный ресурс] / М. С. Колосович // Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений : сб. науч. тр. / редкол. : Д. В. Котельникова [и др.]. – Волгоград : ВА МВД России, 2017. – Вып. 3. – С. 60–66. – 0,32 п.л.

59. *Колосович, М. С.* Общественный контроль уголовного судопроизводства [Электронный ресурс] / М. С. Колосович // Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений : сб. науч. тр. / редкол. : Д. В. Котельникова [и др.]. – Волгоград : ВА МВД России, 2017. – Вып. 3. – С. 70–80. – 0,57 п.л.

60. *Колосович, М. С.* Некоторые аспекты следственно-судебной практики привлечения к ответственности лиц за дачу заведомо ложных показаний и разглашение данных предварительного расследования [Электронный ресурс] / М. С. Колосович, О. С. Колосович // Актуальные проблемы уголовного законодательства на современном этапе : сб. науч. тр. междунар. науч.-практ. конф. (Волгоград, 18–19 мая 2017 г.) / редкол. : В. И. Третьяков [и др.]. – Волгоград : ВА МВД России, 2017. – С. 278–288. – 0,51/0,25 п.л.

61. *Колосович, М. С.* Зарождение и развитие теории гласности уголовного судопроизводства [Электронный ресурс] / М. С. Колосович // Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений : сб. науч. тр. / редкол. : Д. В. Котельникова [и др.]. – Волгоград : ВА МВД России, 2018. – Вып. 4. – С. 46–52. – 0,29 п.л.

62. *Колосович, М. С.* Процессуальная регламентация негласных методов расследования: компаративистский анализ [Текст] / М. С. Колосович // Вестник МВД России. – 2019. – № 5. – С. 183–195. – 0,11 п.л.

Колосович Марина Сергеевна

**ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГЛАСНОСТИ И ТАЙНЫ
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ:
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ**

*Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора юридических наук*

Волгоградская академия МВД России.
400089, Волгоград, ул. Историческая, 130.

Подписано в печать 17.10.2019. Формат 60X84/16. Бумага офсетная.
Физ. печ. л. 2,49. Тираж 110 экз.

ОПиОП РИО ВА МВД России. 400131, Волгоград, ул. Коммунистическая, 36